

МОСКОВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Выставка Общества Московских Художников („ОМХ“)

Игорь Грабарь

Давно не было в Москве такого оживленного выставочного сезона, как в этом году. 10 выставок прошло уже до сегодняшнего дня, не считая тех, что были организованы различными музеями, и, примерно, столько же ожидается их в ближайшие весенние месяцы. Частью закрылись, частью существуют и сейчас следующие выставки: Народностей СССР, совнаркомовская — к 10-тилетию Октября, Общества Московских Художников („ОМХ“), „Бытие“, Общества Художников-Реалистов („ОХР“), „АХРР“, „ОМАХРР“, „Цех живописцев“, „Рост“, Ассоциации Художников-Графиков. Вот где довоенная норма не только достигнута, но и превзойдена.

Численно ли только, или и качественно? — недоверчиво спросит читатель. На этот вопрос легче ответить применительно ко всему современному западному искусству, нежели имея в виду только одну нашу художественную жизнь. Тот, кто имел, подобно мне, случай побывать недавно в западно-европейских и американских художественных центрах, хорошо знает, какую безотрадную картину являет там состояние современного искусства. Что-то не видно смены ушедшим великанам XIX в. и уходящим, либо остановившимся, талантам начала XX в. Лучшее в современном искусстве все еще то, что дают давно знакомые „молодые“, которым, к слову сказать, всем под 60 лет. После войны не появилось ни одной действительно значительной индивидуальности с прежним масштабом влияния, ибо ни французы Утрилло и Сегонзак, ни итальянец Модigliani, ни японец Фужита к ним, конечно, причислены быть не могут.

В этом отношении московская художественная жизнь представляет гораздо более утешительное зрелище: если здесь нет сейчас силачей, способных потрясти мир, нет художников, могущих повернуть общеевропейские пути искусства и начать новую мировую эру, — этой чести и раньше на долю русского изобразительного искусства, в противоположность литературе и музыке, не выпадало, — то, по сравнению с довоенной художественной Москвой, сегодняшняя Москва дает не мало нового, бодрого, сильного, чем мы вправе гордиться. Во всяком случае скорее можно говорить о росте, чем об упадке, о новых преодолениях, чем о топтании на месте.

Уже самый рост выставок есть признак некоего перелома в московской жизни, знак роста активности художественных масс после довольно продолжительного периода инертности и спячки. Одна черта особенно бросается в глаза в этой обновленной жизненности художественных кругов: в то время, как прежде появление каждой новой группировки художников было сигналом для новой войны, сейчас возникают общества и выставки, объединяющие несколько групп. Борьба между художественными группировками будет продолжаться, пока живут раз-

единяющие их художественно-идеологические платформы, но все же в данную минуту чувствуется скорее стремление к объединению, чем тенденция к разъединению и обострению борьбы. Оттого создание федерации художников, по аналогии с федерацией писателей, есть самый животрепещущий вопрос сегодняшнего дня. Два года тому назад произошло объедине-

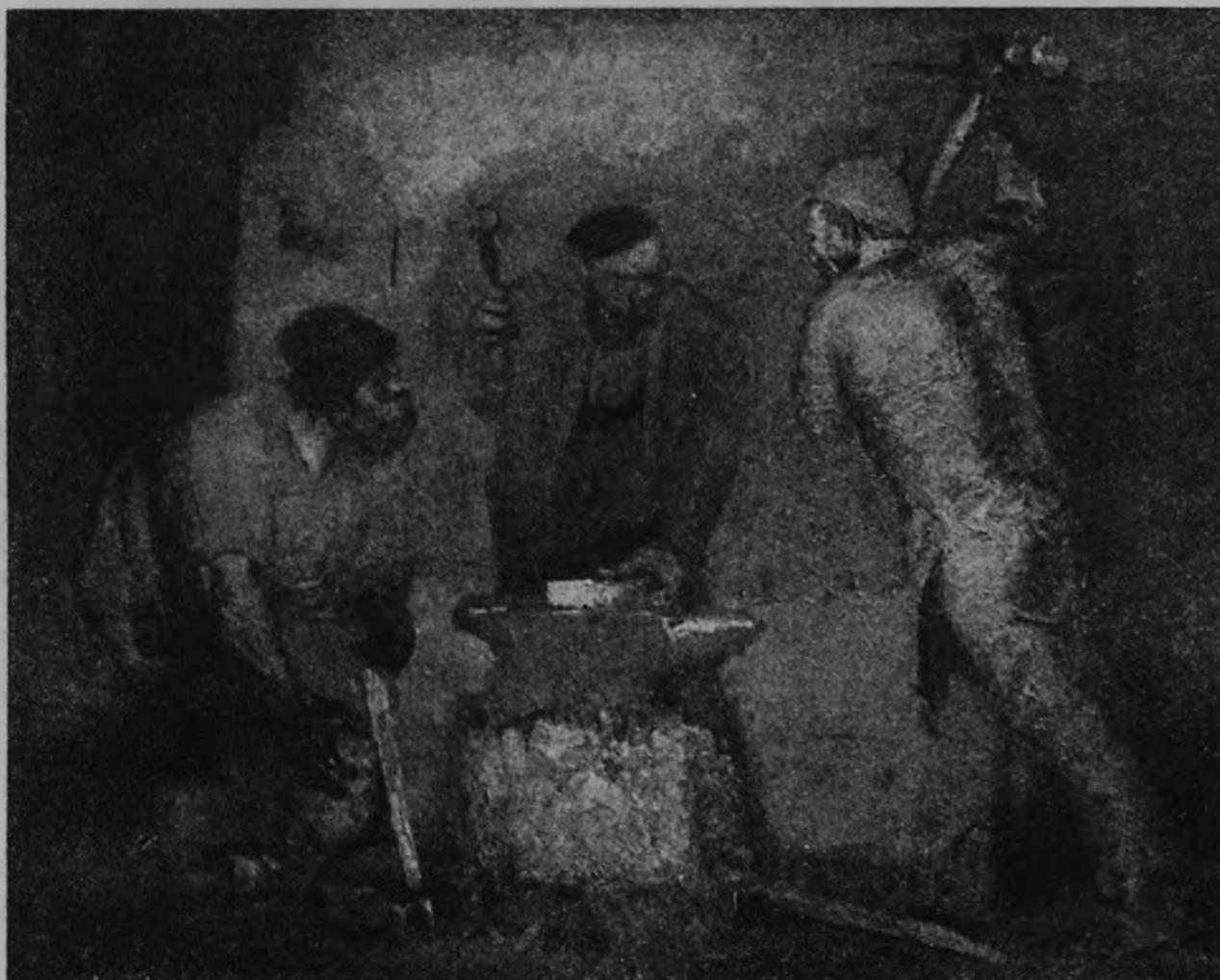
Худ. Зефирова

„За работой“

ние двух скульпторов в „Общество Русских Скульпторов“ („ОРС“), а в минувшем году возникло новое объединение живописцев, составившееся из обществ „Бубновский Валет“, „Маковец“ и „Крыло“ и принявшее название „Общества Московских Художников“ („ОМХ“).

Объединение произошло на общей всем трем группам основе живописных исканий, противопоставляемых исканиям преимущественно стилистическим, графическим и другим. Каким бы уклоном ни отличалась та или иная из этих групп, всем им, прежде всего, дорога и любезна сама живопись, задачи цвета, света, тона, со всею их сложностью и многогранностью. Группа „Бубнового Валета“, с 1922 несколько перестроившаяся и принявшая название „Московских живописцев“, объединилась с „Маковцем“ в основное ядро ОМХ'а в ОМХ 1-й, по примеру МХАТ'а 1-го. Близкая к „Бубновому Валету“ группа молодежи, сплотившаяся в „Крыло“, вошла в новое объединение в качестве ОМХ'а 2-го.

Чисто формальные искания ни в какой мере не заслоняют у членов объединения общего всей европейской современности тяготения к сюжету, тематике, картине. Время только упражнений, только этюдов — изжило. Уже беглый осмотр выставки ОМХ'а показывает, что на ней человеку отведено не меньше места, чем пейзажу, а натюрморт представлен только единичными вещами. Но и пейзажи стоят ближе к картине, чем к этюду, все меньше в них случайного. Тяготение к картине захватило даже такого яркого представителя формальных исканий, как Фальк, написавшего пятнадцатиметровый холст, изображающий сцену в уисполкоме. Если эта первая попытка попробовать свои силы в тематическом задании и на огромном холсте не стоит на высоте небольших холстов Фалька,

Худ. С. Герасимов

„Кузнецы“

Худ. А. Осмеркин

„Мойка белой ночью“ (Ленинград)

таких как некоторые крымские пейзажи, особенно красивая по цвету и остро взятая бухта в Балаклаве, то все же и здесь есть мастерски сгармонированные части по-фальковски плотной живописи.

Из представителей старшего поколения «Бубнового Валета» Рождественский выгодно демонстрирует 2 разных лика своего искусства последнего времени — яркую живопись солнечного юга и, пожалуй, более тонкую цветисто-серую гамму облачных дней. Лентулов дал целую стену сочных крымских пейзажей, трактованных по-новому, в блестящей реальной манере, и хорошую зиму — вид из окна мастерской. Особенно удачны и совсем новые его акварели. Машков тоже уходит от себя и своего темперамента, что объясняется новизной темы — цепью Кавказских гор, зато верен себе Куприн, как всегда спокойный, уравновешенный и мастеровитый.

Очень развернулся Осмеркин, давший тонко высмотренные ленинградские белые ночи. Энергичная, неистовая, но всегда сгармонированная живопись Дривина и Удальцовой ленинградцам хорошо известна по их выставке, недавно организованной Русским Музеем. Из художников, примыкающих к первым мастерам, надо отметить Новожилова и Чекмазова, к последним — Храковского.

Обособленную группу на выставке составляют художники из «Маковца», среди которых сильнее других представлены Сергей Герасимов, Зефиров и фон Визен. К первому я надеюсь еще вернуться как-нибудь особо, — он является одной из наиболее ярких индивидуальностей новейшей художественной формации. Достаточно сказать, что таких правдивых «мужиков», как Герасимовские, после Сергея Коровина и Рябушкина в русском искусстве не было, и это одно уже заставляет остановиться на нем сугубое внимание.

Зефиров и близкий к нему по живописи фон Визен — единственные художники-живописцы, в искусстве которых не чувствуется общей, с кем-то из французовской художественной основы, а скорее дают себя знать отдаленные отзвуки хорошего Мюнхена. Зефиров выработал своеобразный тип

тем из интимной домашней трудовой жизни, для которых он нашел соответствующий живописный язык. Живопись его полнозвучна и широка по трактовке.

Из вшей экспонентов выделяются холсты давно известного мастера Шемякина и молодых — Шегалы, Левашевой и Шифриной.

Весь верх старого выставочного помещения бывшего Училища Живописи, Ваяния и Зодчества занят почти исключительно вещами молодежи — ОМХ'а 2-го, — бурно растущей и давшей уже таких законченных художников, как Шмелев, Рублев, Борисов, Табулевич.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

Сергей Ольдебург

Пушкиноведение сделало уже много благодаря тому, что ему посвятил свои силы целый ряд выдающихся исследователей. Среди них Борису Львовичу Модзалевскому принадлежало почетное место, и его безвременная кончина 3 апреля является невольной потерей для Пушкиноведения. Главным образом по заботам был создан Пушкинский Дом, образцовый музей новой русской литературы, без которого нельзя изучать сколько-нибудь полно русских писателей девятнадцатого века.

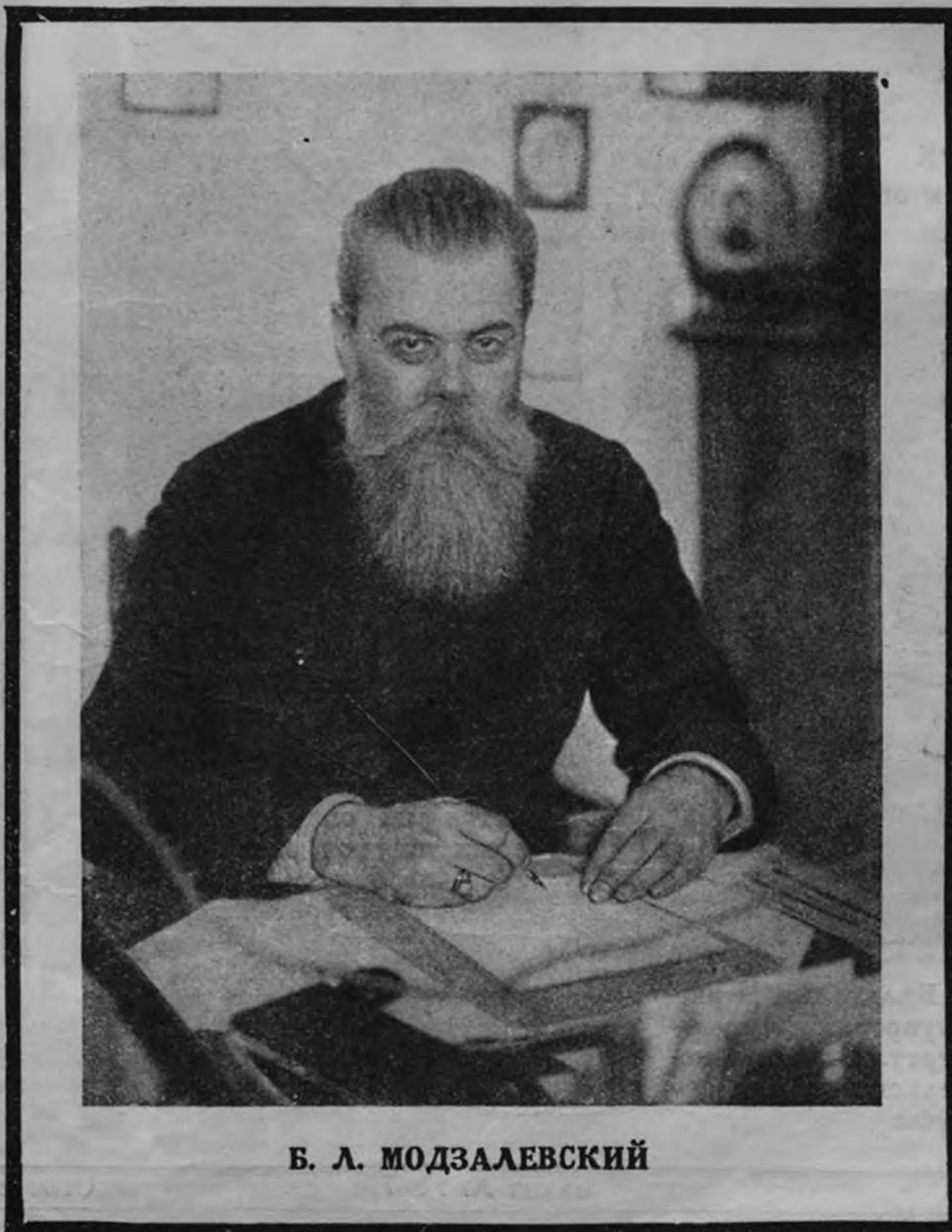
Он умел находить драгоценные рукописи в заброшенных квартирах, и с какой радостью он приходил делиться известиями о своих счастливых находках!

Этот скромный, тихий человек был влюблен в русскую литературу и прежде всего в Пушкина, которого он изумительно основательно изучил. Его издание писем Пушкина — образцовое, и бесконечно жаль, что он не дождал до его окончания. Примечания Модзалевского к этим письмам образцовые, дающие полное представление о том, в какой обстановке писались эти письма, и кто были корреспонденты Пушкина.

Но если Модзалевского-пушкиниста знают у нас все, то немногие знают о его большой работе над материалами Архива Академии Наук, без которого немыслимо знание истории русской науки в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях. В течение ряда лет Модзалевский заведывал этим Архивом и выпустил ряд книг и справочников по истории Академии Наук. Он был также

большим генеалогом, и его работами не раз еще воспользуются наши специалисты по генетике. Известный русский биографический словарь, который так и не доведен до конца, заключает в себе большое количество биографий, написанных Борисом Львовичем, биографий больших и малых людей, потому что Модзалевский интересовался всеми работниками, работу которых он мог выявить. Он любил говорить, что особенно охотно занимается этими, обыкновенно забываемыми всеми, людьми, потому что он убедился, как велико, в сущности, их значение для мировой культурной работы. Мне хотелось указать еще на одну характерную, не часто встречающуюся в жизни, черту Бориса Львовича — его интерес ко всякому, самому скромному работнику и к его участию в великом строительстве человеческой культуры.

Товарищи Б. Л. Модзалевского думают посвятить его памяти специальный сборник — это лучший памятник неутомимому, ценному работнику и достойному человеку.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

«На Обводном канале»

Художник

А. Каплун

КРАСНАЯ ПЯМОРЯ

№ 16

Цена 10 коп.

